

ИРИНА ТАЛИНСКАЯ

КАПИТАН ОСТ. ЗАБЫТОЕ
НАСЛЕДСТВО 1 КНИГА

Ирина Талинская

Забытое наследство

«Автор»

2026

Талинская И.

Забывтое наследство / И. Талинская — «Автор», 2026

Современная Москва. Капитан полиции Кирилл Ост расследует ограбление в картинной галерее, неожиданно находят труп одного из грабителей, расследование идет не по обычному сценарию. Кирилл начинает видеть события глазами своих предков...

© Талинская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три пустых рамы	6
Глава 2. Осмотр хранилища	13
Глава 3. Голоса без хора	20
Глава 5. Второе тело	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ирина Талинская

Забывтое наследство

Забывтое наследство

Глава 1. Три пустых рамы

Телефон зазвонил в две минуты третьего, и звук этот показался Кириллу настолько неуместным в тишине спальни, что первые секунды он просто слушал его, как посторонний шум, не имеющий к нему отношения. Он заснул тридцать минут назад, ездил на встречу с информатором, но спокойная ночь - это редкость при его профессии.

— Ост, — сказал он, наконец нашарив трубку, и голос его прозвучал ровнее, чем он себя чувствовал.

— Кирилл Андреевич, извините за поздний час. — Дежурный по управлению всегда извинялся, если звонок был ночью, будто от этого что-то менялось. — Кража со взломом, галерея-фонд на Пречистенской набережной. Похищены три картины. И труп в соседнем доме.

— Труп чей?

— Пока неизвестно. Мужчина.

— Охрана вызвала полицию сама?

— Так точно. Сработала сигнализация, обнаружили пропажу, и набрали дежурную часть, не дожидаясь пульта.

Это он отметил машинально, ещё лёжа в темноте, — не потому что деталь показалась важной, а потому что таким было ремесло: сначала фиксируешь, потом решаешь, зачем оно тебе. Охрана, которая сама звонит в полицию, — либо служба поставлена образцово, либо кто-то очень хотел, чтобы полиция приехала именно в эту минуту и не позже. Мысль он отложил на потом, туда, где у него хранились подобные необязательные наблюдения, — их накапливалось много, использовалась едва ли десятая часть.

Кирилл встал, это был достаточно высокий, крепкий молодой человек с русыми волосами и серыми внимательными глазами. Одеваясь, он машинально прогонял в голове статистику последних месяцев: кражи из частных собраний случались в Москве с методичной регулярностью, раз в два-три месяца кто-нибудь выносил что-то ценное из чьей-нибудь квартиры или галереи, и почти всегда всё сводилось к банальности — либо заказ конкретной вещи под конкретного покупателя, либо случайная удача дилетантов, наткнувшихся на слабую охрану. Ничего в первом сообщении не выбивалось из этой колеи. Три картины, сработавшая сигнализация, приезд наряда — стандартная ночная работа, из тех, что заканчиваются к обеду протоколом и заявлением от потерпевшего. Труп немного портил картину, но и трупы в подобных делах случались, когда воры не могли поделить добычу друг с другом или с заказчиком.

Он уже пять лет работал в отделе, занимающимся преступлениями в сфере культурных ценностей. Его художественное и юридическое образование позволяло разбираться и в предметах искусства и в криминале.

Машина стояла у подъезда — раздолбанный синий седан, доставшийся ему по наследству от предыдущего владельца должности, — и, устраиваясь за рулём, Кирилл ещё раз бросил взгляд в записку, которую дежурный продиктовал по телефону. «Фонд Останиных». Название царапнуло слух коротким уколом узнавания.

Дорога в это время суток была пуста, только редкие фуры плелись по правому ряду, да таксисты гоняли по встречной, и он доехал до набережной за двенадцать минут, что для Москвы было почти неприлично быстро.

Здание фонда он увидел издалека — по мигалкам. Две патрульных машины стояли поперёк проезда с той характерной небрежностью, с которой сотрудники ночных смен паркуются, когда уверены, что до утра ГИБДД сюда не доедет; синие вспышки скользили по фасаду особняка, выхватывая то колонну, то кусок кованой ограды, то бледные лица людей, столпившихся у ленты оцепления. Зевак, несмотря на час, набралось человек десять — жители соседних домов в накинутых поверх пижам куртках, курьер на самокате, застрявший тут случайно и

теперь снимавший всё на телефон, пожилая пара с собакой, которая явно вышла на обычную прогулку и наткнулась на представление получше сериала. Кирилл притормозил у ленты, показал удостоверение сержанту, который скучающе кивнул и приподнял ленту ровно настолько, чтобы машина проехала, не задев её.

Он заглушил двигатель, посидел секунду, глядя в зеркало, увидел там себя не выпавшего и небритого двадцатисемилетнего капитана полиции. - М-да.- Потом посмотрел на освещённый прожекторами парадный вход с гербом над дверью — потускневшим бронзовым щитом, на котором с трудом читалось что-то геральдическое, — и подумал с той спокойной иронией, которая заменяла ему у порога любого дела нервы: ночь обещала быть длинной, а кофе в машине закончился ещё вчера.

* * *

Ольга Тарасова, его коллега, ждала на ступенях, засунув руки в карманы форменной куртки, и вид у неё был такой, будто она уже успела на кого-то накричать и теперь копила силы на следующий раз.

— Долго спал, — сказала она вместо приветствия.

— Ехал я двенадцать минут, Оля. Быстрее только если б меня катапультировали.

— Тревога сработала в час сорок. — Она сверилась с телефоном, хотя, судя по интонации, цифру помнила наизусть. — Охрана обнаружила пропажу, среагировали почти сразу, минуты через три уже была на этаже. Только к этому моменту наши гости уже сделали своё дело и ушли.

— Через сколько после вызова приехали патрульные?

— Двенадцать минут. Как и ты, только без права жаловаться на сон.

Кирилл прошёл за ней через холл, где под сводчатым потолком висела люстра размером с небольшую машину, и дальше, через анфиладу комнат, пахнущих старым деревом и чуть — почти неощутимо — химией реставрационных составов, в центральный зал. Свет там горел на полную, безжалостно белый, экспертный, и в этом свете три пустых рамы на дальней стене смотрелись как три выбитых зуба на в остальном ровной челюсти.

Он остановился в паре шагов, разглядывая их так, как разглядывал бы витрину, где вместо товара оставили только ценники.

Средняя рама была самой массивной — тяжёлое золочёное дерево, потемневшее от времени, с резьбой, изображавшей не то виноградную лозу, не то какие-то абстрактные волны. Табличка под ней всё ещё держалась криво прибитой к стене: «Неизвестный автор». Семейный портрет. Первая половина XIX века».

— Вот эту, значит, увели, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Гордость коллекции. — Ольга встала рядом, скрестив руки. — Я уже прочитала табличку три раза, если что. И даже погуглила художника. Ничего не нашла.

Он не ответил, подошёл ближе к раме, наклонился, разглядывая места, где холст крепился к подрамнику. По краю шли аккуратные, ровные разрезы — не рваные, не наспех, а такие, будто кто-то работал канцелярским ножом, не торопясь, вдоль всего периметра. Ни один гвоздь не выдран с мясом, ни одна щепка не отколота.

— Смотри, — сказал он. — Ни зазубрины на дереве. Кто бы это ни делал, он не спешил и не нервничал.

— Может, профессионал, — предположила Ольга. — Реставратор какой-нибудь беглый.

— Или человек с большим запасом времени и полным отсутствием совести. Обычно грабители хватают что под руку попадёт и валят — тут же выбрали три конкретные вещи и аккуратно их выпилили, как открытку из журнала.

Он перешёл к соседней раме, слева — там висело что-то менее внушительное по размеру, судя по табличке, пейзаж середины века неизвестного автора школы, и к третьей, справа, судя

по описанию — портрет. Разница в возрасте, в стиле, в размере рамы — три вещи, объединённые разве что тем, что все три исчезли в одну ночь.

— А вот это странно, — заметила Ольга, обводя рукой зал. — Тут ещё дюжина полотен висит, некоторые я, по глазам не специалиста, оценила бы дороже вот этого пейзажика. А взяли именно эти три. Ребята явно не в супермаркете тележку набивали.

— Список выбирали заранее, — сказал Кирилл. — Кто-то знал коллекцию. Знал, что где висит, и знал, зачем ему нужны именно эти три холста, а не соседние.

— Может, на заказ работали. Под клиента.

— Может быть. А может, кто-то знал коллекцию лучше, чем сама охрана. Камеры тут есть

- Есть, целая система. В коридоре, в самом зале — вон, — она указала на угол под потолком, где на кронштейне сидела небольшая матовая полусфера

Кирилл кивнул, не отрывая взгляда от камеры. Угол обзора казался удачным — прямо на зал, прямо на стену с картинами, — но что-то в этом было слишком удачным, слишком продуманно расставленным, как декорация к спектаклю, где зритель должен видеть ровно то, что режиссёр решил ему показать. Он отложил эту мысль в сторону, туда, где у него хранились наблюдения без пока найденного применения, — не потому, что она была неважной, а потому, что ей ещё не пришло время.

— Три картины, выбранные заранее, — сказал он вслух, скорее себе, чем Ольге. — Аккуратная работа, никакой спешки. Это не паника голодных студентов, решивших разбогатеть за одну ночь.

— Ты хочешь сказать, кто-то тут поработал головой заранее.

— Я хочу сказать, что кто-то знал, что берёт, и знал, зачем. — Он в последний раз обвёл взглядом три пустые рамы, задержавшись на средней, самой тяжёлой, с потемневшей резьбой и криво висящей табличкой. — Значит «Семейный портрет».

— Так, ладно. Пойдём смотреть на менее поэтичную часть вечера.

Она развернулась к выходу из зала, и Кирилл, бросив последний взгляд на пустые рамы — как на три немых свидетеля, которые видели всё, но ничего не расскажут, — двинулся за ней.

* * *

Соседний двор встретил его запахом сырого бетона и мусорных контейнеров, к которому примешивалась ещё одна нота, слишком знакомая, чтобы её можно было спутать с чем-то бытовым. Патрульный, молодой, судя по тому, как он старательно держал спину прямо, стоял у одного из подъездов.

— Товарищ Ост? Тут... — он кашлянул. — Тут человек.

Кирилл зашел в подъезд. Тело висело на перилах, петля из тонкого троса была затянута аккуратно, почти геометрически правильно, узел лежал точно под левым ухом, будто его выверяли по чертежу. Мужчина лет тридцати пяти, в тёмной куртке, кроссовки едва не достают до пола — сантиметров десять, не больше.

— Кто первый заметил? — спросил Кирилл, не оборачиваясь.

— Житель. Пошел смотреть на наши мигалки и ограбление, увидел, позвал нас.

Ольга зашла в дверь, застёгивая куртку на ходу, и, увидев картину, замедлила шаг.

— Ну вот, — сказала она без особого выражения, — а я думала, ночь будет скучной.

Кирилл присел на корточки рядом с телом, разглядывая узел с той внимательностью, с какой обычно рассматривают чужую подпись на подозрительном документе.

— Посмотри сюда, — сказал он. — Узел двойной, симметричный, петля затянута равномерно с обоих концов. Так вяжут, когда знают, что делают, или когда очень долго готовятся. Человек, который решается на такое сгоряча, обычно возится с веревкой минут десять, путает узлы, психует. Тут этого нет.

— Может, он был рыбаком. Или из спецназа. Или просто аккуратным человеком, — Ольга подошла ближе, но держалась чуть в стороне, разглядывая труп скорее с профессиональной брезгливостью, чем с любопытством. — Не всякий, кто вешается красиво, обязательно кем-то повешен.

— Может быть. — Кирилл не стал спорить, только отметил про себя эту фразу — красиво повешен — как забавную и совершенно не подходящую к ситуации. Он наклонился, чтобы осмотреть руки трупа, приподняв одну за манжет куртки. Кожа на пальцах была чистой, ни грязи, ни пыли, ни царапины, ни следа борьбы — только чистые, слегка посиневшие пальцы человека, который умер не сопротивляясь.

— Руки чистые, — сказал он вслух. — Ни пыли от картин, ни ссадин. Если это тот, кто снимал холсты со стены, у него должны были остаться следы, хоть какие-то. Рамы старые, пыльные, дерево крошится по краям. А тут — как будто он их и не касался.

— Может, был на подхвате. Стоял на стрёме, — предположила Ольга, но в её голосе уже не было прежней уверенности.

— Может быть. — Кирилл выпрямился, оглядывая двор, тесный, зажатый между глухой стеной фонда и соседним зданием, куда не долетал свет фонарей с улицы. Место было выбрано с умом: тихое, двор почти не освещен. Он прошёлся взглядом по полу под ногами трупа — ни окурков, ни следов, ни брошенной второпях сумки.

Патрульный тем временем присел у ног трупа, светя фонариком в карман куртки, и вытащил оттуда бумажник.

— Паспорт есть, — сказал он, разворачивая документ. — Некрасов Илья Витальевич, тридцать четыре года.

Ольга взяла у него телефон, быстро пролистала что-то на экране.

— Некрасов Илья, — повторила она. — Пробьем.

Кирилл посмотрел на тело ещё раз, теперь без спешки, будто хотел запомнить его целиком: чистые руки, аккуратный узел, отсутствие записки и трёх картин при нём, которые, судя по всему, он должен был помогать нести.

— Значит, возможно один из грабителей, возможно нет. — сказал он. — И повесился так, будто заранее знал, что придётся.

* * *

Кабинет управляющего находился на втором этаже, в стороне от хранилищ, и попасть в него можно было только по узкой лестнице с ковровой дорожкой, приглушавшей шаги. Кирилл поднялся туда. Рядом с дверью висела табличка «Ковалевский Виктор Аркадьевич»

Ковалевский стоял у окна, спиной к двери, и обернулся не сразу — будто нужно было ещё секунду подержать позу, прежде чем показать лицо. Лицо было измученным, с тёмными кругами под глазами, и всё же в нём читалась какая-то избыточная аккуратность, как в реквизите, который слишком старательно потрепали, чтобы он выглядел настоящим.

— Доброй ночи. Капитан Ост. — сказал Кирилл. — Расскажите про картину.

— Это фамильный семейный портрет всего семейства Останиных, — Ковалевский произнёс название так, будто оно причиняло ему физическую боль, и на секунду прижал пальцы к вискам. — Это не просто холст, понимаете. Это душа фонда, она с самого основания коллекции здесь, на этой стене. — Он махнул рукой в сторону пустого прямоугольника более светлого цвета на обоях, будто там всё ещё что-то висело. — Без неё фонд — просто здание с картинами. Пустая рама на месте сердца.

Фраза про пустую раму на месте сердца прозвучала слишком гладко, слишком завершённо, чтобы родиться прямо сейчас, среди ночи, под шум мигалок во дворе. Кирилл узнавал такие фразы: их обычно готовят заранее, репетируют перед зеркалом или перед объективом камеры, зная, что рано или поздно придётся произнести вслух для журналиста или страхового агента, и не желая упустить момент.

— Вы уже говорили с прессой? — спросил он, будто невзначай.

— Нет, ещё нет, — Ковалевский моргнул. — А должен был?

— Нет, — сказал Кирилл. — Просто звучит так, будто вы много об этом думали заранее.

— Я думаю об этих картинах каждый день последние пятнадцать лет, — ответил Ковалевский с некоторой резкостью, и это, по крайней мере, звучало правдой.

Кирилл кивнул, не уточняя дальше, и перевёл разговор туда, куда собирался.

— Коллекция была застрахована?

— Разумеется. — Ковалевский оживился, шагнул к столу, взял со столешницы папку, хотя открывать её не стал, будто и без того знал всё наизусть. — Эта картина одна оценена на сорок два миллиона, две другие — вместе ещё на двенадцать с половиной. Итого страховое покрытие по этому конкретному эпизоду — около восьмидесяти миллионов.

Он назвал цифры быстро, без запинки, без единого «примерно» или «кажется», словно они лежали у него не в голове, а на языке, готовые выскочить при первом же вопросе. Кирилл слушал и думал, что человек, у которого только что украли самые ценные картины, обычно не помнит размер фразы. Он помнит цвет рамы, запах лака, звук, с которым картина висела на стене. Цифры приходят потом, когда горе уже устоялось и превратилось в бухгалтерию.

— Впечатляющая память на детали, — заметил Кирилл.

— Я управляю фондом, — Ковалевский пожал плечами, — цифры — моя обязанность.

— Разумеется, — согласился Кирилл ровно, откладывая эту гладкость туда же, куда чуть раньше отложил слишком аккуратный узел на верёвке во дворе.

— Кстати, о дворе, — сказал он. — Там нашли тело. Один из тех, кто, судя по всему, участвовал в краже.

Ковалевский повернулся к окну, посмотрел вниз недолго, без особого интереса, скорее из вежливости к собеседнику, чем из любопытства.

— Он был из воров? — спросил он.

Тон был почти скучающий, будто речь шла о забредшей во двор бездомной собаке. Ни удивления, ни вопроса «что случилось», ни даже дежурного «какой ужас». Кирилл отметил разницу между этой фразой и той, про пустую раму на месте сердца: там была отработанная скорбь, здесь — полное отсутствие какой-либо реакции вообще.

— Похоже на то, — сказал он. — Пока рано делать выводы.

— Понятно, — Ковалевский отвернулся от окна так же легко, как отвернулся бы от прогноза погоды, и снова заговорил о картине, о том, что нужно немедленно объявить в розыск, что нужно связаться с интерполом, что картины могли уже вывезти за границу.

— Есть просьба, — сказал вдруг Ковалевский, понизив голос, будто до этого говорил на публику, а теперь перешёл к делу настоящему. — Я хотел бы, чтобы это осталось без прессы. Совсем без прессы. Кража — уже плохо для репутации фонда, а труп во дворе... — он не закончил фразу, лишь неопределённо помахал рукой, — вы понимаете. Доноры пугливы, попечительский совет тоже. Решите это тихо, если можно.

— Постараюсь, — сказал Кирилл нейтрально. — Это не всегда в моей власти.

— Разумеется, разумеется, — Ковалевский закивал слишком поспешно, — я просто прошу учесть.

Кирилл кивнул, ничего не пообещав, и мысленно отметил эту просьбу отдельной строкой, рядом с суммой страховки и пустой рамой на месте сердца: человек, у которого только что унесли практически святыню, почему-то больше всего боится не за картину, а за то, чтобы об этом деле никто не узнал слишком подробно.

* * *

Пост охраны располагался в пристройке справа от главного входа — комнатка без окон, где пахло кофе трёхдневной давности и тем особым душным электронным теплом, которое выделяют работающие мониторы. Ольга сидела на стуле охранника, придвинутом к пульту, и

щёлкала мышью с решительностью человека, который не спал уже двадцать часов и не собирается делать вид, что это её как-то смущает.

— Вот, смотри, — сказала она, не оборачиваясь. — Двадцать три сорок один.

Кирилл встал у неё за плечом. На экране, в зернистой серости ночной съёмки, дверь служебного входа во двор открылась сама — без рывка, без удара плечом, без всего того, что полагается двери, которую вскрывают. Просто открылась, будто кто-то с той стороны повернул ручку и вежливо потянул на себя.

Дальше — трое, в одинаковых тёмных куртках, без спешки, почти вразвалку. Один держал дверь для остальных. Ни разу не оглянулись на камеру, которая — Кирилл помнил — торчала над этим же коридором под удобным для съёмщика углом.

— Ведут себя как экскурсанты, — сказал Кирилл.

— Ага. Вот тут они в зал заходят.

Запись перескочила. Трое стояли перед картинами и соседними полотнами так спокойно, что казалось, будто они пришли снять картины на реставрацию по накладной. Один достал что-то из сумки — нож, судя по движению кисти, — и начал вырезать холст из рамы аккуратно, по периметру, не торопясь, как человек, знающий заранее, сколько времени у него есть. Двое других сворачивали второй и третий холсты в тубусы.

Ни разу никто из троих не посмотрел вверх, на объектив. Не потому что не заметили. Потому что знали — там нечего бояться.

— Двенадцать минут, — сказала Ольга, глядя на таймкод. — Двенадцать минут в самом охраняемом зале фонда, и ни одна живая душа не вышла им навстречу.

— Сигнализация?

Ольга подтащила клавиатуру, вывела другое окно — журнал системы безопасности, столбцы времени и статусов, скучных, как налоговая декларация.

— Вот, смотри сама. — Она ткнула пальцем в строку. — Двадцать три тридцать семь. Режим охраны периметра снят. Код администратора.

— Не взлом.

— Не взлом, — повторила она с ноткой почти обиды, будто рассчитывала на что-то более интересное. — Кто-то просто ввёл код, как будто утром пришёл кофе заваривать. И обратно включил в ноль двенадцать, когда они уже ушли. Аккуратно. По-хозяйски.

— Список тех, у кого есть этот код, — сказал он.

— Уже запросила. — Ольга откинулась на спинку стула, потёрла лицо ладонями. — Но давай начистоту, Кирилл: код администратора — это не то, что раздают охранникам на входе за галочку в ведомости. Это либо сам Ковалевский, либо кто-то из совсем узкого круга.

— Или у кого-то из этого узкого круга код списали. Скопировали, подсмотрели, купили.

— Оптимистичная версия, — сказала она без особого энтузиазма к обеим версиям сразу.

Он вернулся взглядом к монитору, где всё ещё стоял стоп-кадр: трое в куртках, спокойные, как будто на инвентаризации. Ни одной секунды сомнения, ни одного взгляда, брошенного через плечо. Люди так себя не ведут, когда идут на дело втёмную. Так ведут себя, когда точно знают, что дверь открыта, а сигнализация молчит.

— А где всё это время был охранник? — спросил он.

Ольга полистала журнал смен, потом ещё один документ — что-то вроде графика постов, — и покачала головой.

— По записи — на посту. По факту — сама спроси у него, где он был между двадцати трех и час ночи, потому что камера в коридоре у поста в этот отрезок почему-то смотрит в потолок. В смысле, буквально — развёрнута.

— Развёрнута.

— Развёрнута, — подтвердила она таким тоном, каким обычно сообщают, что котёл в подвале снова течёт. — Может, случайно задели. Может, нет. Ты у нас по мелким несостыковкам специалист, вот и решай.

Кирилл ничего не ответил. Он думал о том, что сегодня уже второй раз за вечер видит что-то «слишком удобно направленное» — камера в зале с картинами смотрела туда, куда смотрела, будто её так и настраивали для чужих глаз, а теперь ещё и камера у поста охраны отвёрнута ровно в нужный час. Совпадений становилось многовато для одной ночи.

Он выпрямился, чувствуя, как затекла спина от часа, проведённого в наклоне над плечом Ольги.

— Пробей охранника отдельно, — сказал он. — Не сейчас — через пару дней, когда он расслабится и решит, что про него забыли.

— Думаешь, врёт?

— Думаю, что человек, который спал на посту, обычно не рассказывает про это с такой готовностью.

Он вышел из тесной комнатки поста на воздух, во двор, где ещё маячила жёлтая лента и где под утренним, каким-то бесцветным светом яма фонтана выглядела особенно нелепо — декоративный камень, посреди которого несколько часов назад висел человек, а теперь просто лежала бумажная лента с надписью «не пересекать».

Кража перестала быть кражей примерно тогда же, когда во дворе нашли тело, но только сейчас, глядя на пустой двор в утренних сумерках, Кирилл сформулировал это для себя окончательно: дверь открыл кто-то свой, сигнализацию снял свой, камеры смотрели куда нужно кому-то своему, а человек, которого впустили через эту же дверь, теперь мёртв. Кто-то очень тщательно подготовил кражу — и так же тщательно позаботился о том, чтобы один из воров не сумел никому рассказать, как всё было устроено.

Вопрос, который не давал покоя, звучал проще, чем всё остальное: если один из троих грабителей мёртв, где двое других — и понимают ли они, что стали следующими в чьём-то списке.

Глава 2. Осмотр хранилища

Хранилище встретило их светом другого сорта. Верхний фонарь — узкая полоса матового стекла под потолком — цедил утреннее солнце так экономно, будто фонд не мог позволить себе больше. Пыль в этом свете висела неподвижно, как декорация, а три пустые рамы на стене напротив входа казались особенно нелепыми — расписные, тяжёлые, они охраняли теперь пустоту с тем же достоинством, с каким охраняли бы холст.

— Красиво тут стало, — сказала Ольга, входя следом и оглядывая рамы. — Минимализм. Современное искусство.

— Ковалевскому понравится страховая формулировка, — отозвался Кирилл. — «Утрата содержимого при сохранности рамы».

Он подошёл к служебной двери в дальнем углу — той самой, через которую, по версии охраны, вошли грабители. Дверь была приоткрыта и держалась на одной петле криминалистической ленты. Ольга присела на корточки перед замком, вытащила рулетку и линейку и принялась мерить царапины вокруг скважины с тем сосредоточенным раздражением, с каким смотрят на плохо сделанную работу.

— Смотри, — сказала она, не поднимая головы. — Замок сорвали монтировкой, судя по следу. Но криво. Три захода, прежде чем попали. Профи так не делает — профи или подберёт ключ, или высадит с одного удара, без спектакля.

— Может, нервничал.

— Может. Но тогда почему царапины неглубокие? — Она провела пальцем по металлу. — Смотри, лак местами даже не содран, только поцарапан. Будто боялся дверь испортить.

Кирилл присел рядом, разглядывая след вблизи. Действительно, повреждение выглядело скорее демонстративным, чем функциональным — как если бы кто-то хотел, чтобы дверь выглядела взломанной, но не собиравшись тратить на это силы.

— Или заботился о чужом имуществе, — сказал он. — Редкая добродетель для вора.

Он выпрямился и обвёл взглядом пол у двери. У самого косяка, там, где начиналась ковровая дорожка, лежали осколки — мелкие, стеклянные, тускло блестящие в утреннем свете. Он присел снова, на этот раз медленнее, и посмотрел не на осколки, а на то, где именно они лежали. Внутри помещения. Все, до единого.

— Ольга.

Она подняла голову.

— Стекло. — Он показал подбородком на пол. — В двери наверху была форточка, судя по раме, её разбили, чтобы просунуть руку и открыть щеколду. Классика.

— И что?

— А то, что если бить снаружи, осколки летят внутрь. Это нормально. Но если бить изнутри — тоже летят внутрь. И я не вижу способа отличить одно от другого по одним только осколкам.

— Так в чём проблема?

— В том, что тут нет ни одного осколка снаружи. Ни на подоконнике, ни на асфальте. Вообще ни крошки. — Он взял один осколок за край, покрутил в пальцах. Свежий скол, острые грани, никакой пыли. — Форточку разбили аккуратно, почти без брызг, и все осколки собрали или они сами легли внутрь. Оба варианта странные для человека, который спешит забраться в чужое хранилище посреди ночи.

Ольга встала, отряхнула колени и подошла ближе, глядя на пол так, будто он мог сказать что-то ещё, если постоять подольше.

— То есть форточку разбили для вида. Чтобы было что показать нам утром.

— Или чтобы было что показать камерам, — сказал Кирилл. — Не забывай, у нас тут удобно направленный объектив.

Он достал блокнот, полистал назад, к странице с временами из журнала охраны, и сверился с записью, которую переписал у Николая ещё во дворе. Отключение сигнализации кодом администратора — двадцать три сорок одна. Он поднял глаза на дверной датчик, всё ещё мигающий диодом над косяком.

— Дверной датчик, — сказал он вслух, водя пальцем по строке. — Зафиксировал открытие в двадцать три сорок одну и сорок секунд.

— Ну и что?

— Код ввели в двадцать три сорок одну ноль ноль. Секунда в секунду, если верить их системе. А дверь открыли через сорок секунд после этого.

Ольга нахмурилась, попыталась мысленно проиграть сцену — человек с монтировкой у чужой служебной двери среди ночи.

— Сорок секунд, чтобы вставить монтировку и отжать замок? Это не так уж и долго вообще-то.

— Долго, если ты уже отключил сигнализацию и знаешь, что путь свободен. — Он захлопнул блокнот. — Зачем ждать сорок секунд перед дверью, если тревога уже снята и никто тебя не услышит? Разве что стоял и слушал, не идёт ли кто. Или ждал сигнала.

— Или просто руки тряслись, — сказала Ольга без особой уверенности в собственных словах, и по её лицу было видно, что версия про трясущиеся руки её саму не убеждает. Она обвела взглядом дверь, осколки на полу, аккуратные неглубокие царапины у замка и как-то не выдержала. — Знаешь, что мне это напоминает? Школьный спектакль. Декорации сколочены за вечер, лишь бы издалека выглядело правдоподобно. Взлом, который снят на камеру, а не сделан для того, чтобы кого-то реально впустить.

Кирилл ничего не ответил сразу, только достал блокнот снова и записал коротко, без выводов: замок — неглубокий, демонстративный. Стекло — только внутри. Пауза между кодом и открытием — сорок секунд, избыточно. Он не любил торопиться с интерпретациями, особенно с теми, что напрашивались сами, слыш21ком охотно, будто кто-то заранее разложил улики так, чтобы их прочли определённым образом.

— Театр или нет, — сказал он наконец, убирая блокнот, — труп в подъезде настоящий. Кто бы ни сколачивал эти декорации, повесить человека он не побоялся.

Ольга посмотрела на пустые рамы, потом на дверь, потом снова на него.

— Значит, ищем режиссёра, — сказала она. — А не рабочего сцены.

— Ищем всех, — поправил Кирилл. — Начиная с тех, у кого был код администратора.

* * *

Ковалевский появился с папкой, зажатой под мышкой, будто нёс не документы, а нечто хрупкое. Положил её на стол перед Кириллом почти торжественно, как подношение.

— Здесь всё, — сказал он. — Полная опись, страховые акты, экспертные заключения. Ущерб фонда... — он сделал паузу, подбирая слово, — колоссальный. Не побоюсь этого слова.

Листы были аккуратные, отпечатанные, с печатями страховой компании внизу каждой страницы. Он полистал их без особой спешки, зная, что Ковалевский следит за его лицом внимательнее, чем за самими бумагами.

— Картина «Семейный портрет», — сказал Кирилл, останавливаясь на нужной странице. — Расскажите про неё. Провенанс, атрибуция.

Ковалевский оживился так, будто ждал именно этого вопроса — и, вероятно, ждал.

— Полотно приписывается мастерской круга Тропинина, конец восемьсот двадцатых годов. Заказано первым владельцем фонда, князем Останиным, для его личного собрания. С тех пор картина ни разу не покидала стен галереи. Провенанс безупречный — от заказчика до нынешнего дня, без единого разрыва.

Он говорил гладко, цифры и даты выскакивали без запинки, как у человека, который либо помнит наизусть, либо просто хорошо подготовился к разговору заранее. Кирилл не спешил решать, какой из вариантов вернее.

— И оценивается она, — Кирилл провёл пальцем по строке, — в сорок два миллиона.

— Именно так.

— А вот здесь, — он перевернул страницу назад, к более старому документу, скреплённому отдельно, судя по шрифту — распечатанному ещё несколько лет назад, — прошлая оценка. Двадцать шесть.

Ковалевский чуть подался вперёд, всматриваясь в лист, будто видел его впервые, хотя Кирилл сомневался, что это так.

— Переоценка коллекции проводилась год назад, — сказал он. — Пригласили нового эксперта, более авторитетного. Рынок на Тропинина и его круг вырос за последние годы, интерес коллекционеров...

— А остальные две похищенные картины, — перебил Кирилл негромко, — выросли в цене процентов на пятнадцать. «Семейный портрет» — почти вдвое. Тот же эксперт, тот же год, один и тот же рынок круга Тропинина. Странно, что он так неровно распределил свою щедрость.

Пауза получилась короче, чем ожидал Кирилл, — Ковалевский умел держать лицо, это было заметно сразу.

— Индивидуальные работы оцениваются индивидуально, — сказал он ровно. — Эта картина — жемчужина коллекции. Уникальный сюжет, личная история семьи Останиных. Такие вещи не подчиняются общей логике рынка.

Кирилл кивнул, ничего не записывая пока, только заметил про себя, что человек, который час назад демонстрировал скорбь по украденному полотну как по покойнику, сейчас разговаривал о нём с лёгкостью риелтора, продающего квартиру повыгоднее. Он перелистнул ещё страницу — и остановился.

— Здесь, в страховом акте, «Семейный портрет» указан как работа Тропинина, — сказал он. — Без «круга», без «мастерской». А в старом каталоге фонда, вот этот документ, — он подвинул папку так, чтобы Ковалевский видел, — она подписана «круг мастера». Это разные вещи. Совсем разные, если говорить с точки зрения цены и подлинности.

Что-то мелькнуло в лице Ковалевского — не тревога, скорее раздражение человека, у которого спросили о мелочи в неподходящий момент.

— Техническая опечатка канцелярии, — сказал он, забирая папку обратным движением чуть более резким, чем требовалось. — Составитель страховой описи перепутал формулировки, я разберусь с этим отдельно. Право же, детектив, у нас украли три картины и убили человека во дворе фонда, а мы обсуждаем формулировку в скобках.

— Порядок такой, — сказал Кирилл спокойно, тем же тоном, каким час назад отвечал Ольге у двери хранилища. — Вопросы задаём по порядку, даже когда они кажутся мелкими.

— Тогда позвольте узнать порядок с другой стороны, — сказал Ковалевский, и в его голосе впервые прорезалось что-то похожее на нетерпение, не наигранное. — Как быстро вы рассчитываете найти похитителей? Пресса уже что-то пронюхала, звонили из двух изданий, я просил не пускать это дальше служебной сводки, но...

— Мы работаем, — сказал Кирилл, забирая папку обратно и делая вид, что не заметил, как быстро тема сменилась. — Быстрее, чем кажется со стороны, и медленнее, чем хотелось бы вам.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен, хотя внутри так и оставил висеть эту нестыковку — «круг мастера» против «мастера», без вывода, без версии, просто как факт, который пока никуда не пристёгивался. Может, действительно опечатка. Может, кто-то не

потрудились объяснить канцелярии разницу. А может, разница эта стоила ровно шестнадцать миллионов, и это было куда интереснее любой опечатки.

Он не сказал этого вслух. Просто сделал в блокноте короткую пометку, без восклицательных знаков. Проверить, кто составлял документ.

* * *

Основной зал встретил их той особой тишиной, что бывает только там, где недавно что-то украли: слишком тщательной, будто её специально навели поверх обычной музейной тишины, привычной к скрипу паркета и шагам смотрящего. Кирилл шёл вдоль стены, держа опись развёрнутой на локте, и сверял пыльные прямоугольники на обоях с номерами в списке. Там, где рама висела десятилетиями, стена темнела иначе — ровным пятном, будто под картиной жила своя, отдельная погода. Три таких пятна были пустыми. Остальные — заняты.

— Ковалевский говорит, полная опись есть в фонде, — сказала Ольга, не отрываясь от телефона. Она фотографировала каждую картину подряд, деловито, без лишней эстетики, просто чтобы было с чем сверяться потом. — Но лично мне интереснее, почему опись у него в двух экземплярах и они не совпадают на одну букровку в скобках.

— Уже заметила, — сказал Кирилл без вопроса в голосе.

— Я слух этажом ниже держу, — ответила она. — Через дверь слышно было, как ты его пытал насчёт Тропинина. У тебя лицо в такие моменты как у бухгалтера, который нашёл ошибку в чужом отчёте и наслаждается процессом.

— Наслаждение — сильное слово. Скорее облегчение, что не показалось.

Он двинулся дальше, и опись в руке стала мешать: слишком много строк, слишком мало соответствий с реальностью зала. Кирилл остановился у пейзажа — некрупного, в тяжёлой позолоченной раме, висевшего сразу за пустым прямоугольником, где ещё вечером были картины. Соседство подчёркивало разницу, будто нарочно. Полотна слева и справа от пейзажа выглядели именно так, как положено выглядеть живописи почти двухвековой давности: краска потемнела ровно, лак пожелтел неравномерно, кракелюры расползались тонкой сеткой, свойственной времени, а не имитации времени. А этот пейзаж — берёзовая роща, вечернее солнце сквозь листву, что-то из середины девятнадцатого века, если верить подписи на латунной табличке, — блестел. Не бросался в глаза, не сверкал под лампами, как новодел на рынке подделок, но было в нём что-то не по возрасту гладкое. Свежее.

— Тарасова, глянь, — сказал он, не оборачиваясь.

Она подошла, встала рядом, наклонила голову так же, как он.

— Ну и что. Красивая картина. Дерево, солнце, тоска по девятнадцатому веку.

— Посмотри на лак. Рядом — вот этот, и вот тот, — он показал на соседние работы. — Тусклый, желтоватый, местами потрескавшийся. А тут — блестит, как будто вчера покрыли.

Ольга прищурилась, придвинулась ближе, взгляделась с тем добросовестным упорством человека, который не разбирается в живописи, но старается не подавать виду.

— Может, это просто хорошая рама и хороший свет.

— Может, — согласился Кирилл.

Он наклонился ещё ближе, почти касаясь носом холста, насколько позволяли приличия и охранная лента вокруг постамента, и в этот момент поймал запах: тонкий, едкий, тот самый, что бывает в мастерских, где вскрывают старые лаки, чтобы нанести новый. Растворитель. Слабый, почти растворившийся в общем воздухе зала, пахнущем пылью и деревом, но узнаваемый, если знаешь, что искать. Он задержал дыхание на секунду, будто проверяя себя, потом отступил на шаг.

— Реставрировали недавно, — сказал он вслух, скорее самому себе, чем Ольге. — Свежий лак, запах ещё держится. Дней десять, может, меньше.

— И что с того? У них реставратор штатный, наверное, полкартины перебирает раз в год, — пожал плечами Ольга. — Музейное дело, тлен и вечная борьба с ним.

— Наверное, — сказал Кирилл.

Он достал блокнот, коротко записал: «пейзаж, роща, уточнить дату последней реставрации», — и тут же убрал блокнот в карман, не дав себе времени задержаться на этой строчке дольше положенного. Деталь была из тех, что легко объясняются одной фразой штатного персонала и одной строчкой в журнале реставрационных работ. Ничего криминального в том, что музей ухаживает за коллекцией. Просветить холст лаком раз в десять лет — обычная практика, а не повод для версии.

— Идём, — позвала Ольга уже от следующей стены, где висел натюрморт с рыбой и лимоном, и голос её звучал так, будто список фотографий давил на неё физически. — У нас тут двадцать три картины, а времени до пресс-конференции Ковалевского — часа два, если он вообще способен молчать столько.

— Иду, — отозвался Кирилл.

Он бросил последний взгляд на рощу, на её неправдоподобно свежий блеск среди старых, честно выцветших соседей, и пошёл дальше вдоль стены, сверяя опись, слушая, как щёлкает камера в руках Ольги. Ощущение не уходило вовсе, просто отступило куда-то на задний план сознания, туда, где обычно копятся вещи, для которых пока не нашлось места в общей картине: не улика, не факт, а лёгкая заноза несоответствия, которая будет напоминать о себе позже, когда он меньше всего будет этого ждать.

* * *

Переговорная комната на втором этаже фонда оказалась меньше кабинета директора и куда честнее: голый стол, четыре стула, пыльные жалюзи, за которыми день клонился к вечеру. Ольга разложила распечатанный список сотрудников веером, как карты.

— Десять человек, — сказала она без предисловий. — Охрана, две смены, четыре человека, начальник охраны. Уборщики, трое, приходящие. Реставратор один, штатный. Ну и хозяин.

Она кивнула на Ковалевского, который сидел напротив, поправляя манжету так, будто манжета была виновата в краже.

— У всех есть доступ в здание. У всех — код от сигнализации, — продолжила Ольга. — Или нет?

— Не у всех, — сказал Ковалевский. Голос у него был усталый, но не сломленный, ровно настолько усталый, насколько требовала ситуация. — Уборщики приходят по утрам, когда сигнализация уже снята охраной. Код администратора знают трое. Я, начальник охраны и Даниил Юрьевич.

— Даниил Юрьевич, — повторил Кирилл, не спрашивая, кто это, потому что список у него в голове уже подтягивал слово «реставратор» к этому имени.

— Реставратор, — произнес Ковалевский, чуть раздражённо, как будто объяснять очевидное было ниже его достоинства. — У него бывают работы, требующие тишины. Влажность, освещение, то-сё. Иногда он приходит вечером, когда посетителей нет и никто не топчется под ногами. Он у нас, так сказать, на скользящем графике, дома сын-инвалид в кресле, самостоятельно не передвигается, поэтому так.

— И код ему дали, чтобы он мог отключать сигнализацию сам, без охраны, — сказала Ольга. Это не было вопросом.

— Да. Иначе пришлось бы держать охранника у него над плечом каждый раз, а это унижительно для человека его квалификации.

Кирилл записал имя в блокнот, рядом с рощей и запахом растворителя, и на секунду задержал ручку над строчкой, не понимая пока, зачем эти две вещи просят лежать в одном ряду. Списал на усталость. Не всё, что кажется рядом, лежит рядом по делу.

— Когда он последний раз пользовался кодом? — спросил он.

Ковалевский пожал плечами, слишком легко для человека, который вообще-то должен был это знать.

— Не отслеживаю. У него свой график, я в него не лезу. Спросите его самого, он уже приехал.

— Спросим, — сказал Кирилл. — У всех.

Ольга откинулась на стуле и сложила руки на груди, глядя на список так, будто он был подсудимым, который ещё не признался, но уже вёл себя подозрительно.

— Смотрите, что получается, — сказала она. — Сигнализацию сняли кодом, не взломом. Камера в коридоре повёрнута так удобно, что как будто её специально туда крутили, чтобы что-то не показывать. Реставратор ходит сюда по ночам один, без свидетелей, и знает код. И вот — картины пропали, а один из воров лежит в соседнем дворе с петлёй на шее, аккуратный, как для фотографии в учебнике. Многовато совпадений для случайной шайки с улицы, Кирилл.

— Многовато, — согласился Кирилл. — Но совпадения — это не улики. Это повод их проверить.

— Ты вечно так говоришь.

— Потому что вечно оказываюсь прав.

— Хорошо. Так что теперь, будем стоять тут и любоваться совпадениями?

— Будем собирать графики смен. Кто, когда заходил, кто уходил, у кого алиби на вчерашний вечер и на нынешнюю ночь. Реставратора — первым, охрану — по очереди, уборщиц — на всякий случай, хотя вряд ли уборщица вешает грабителей между протиркой пола.

— Никогда не знаешь, — заметила Ольга без особого энтузиазма.

Ковалевский слушал этот обмен с видом человека, которому очень хочется, чтобы разговор закончился быстрее, чем он начался.

— Мне нужно понимать, — сказал он, выбирая слова с осторожностью, — насколько долго это будет тянуться. У фонда репутация. Доноры. Партнёры для будущих выставок. Если по городу пойдёт слух, что у нас тут кто-то из своих...

— Значит, официально, — сказала Ольга, придвигая к себе бланк. — Кража с сопутствующим убийством.

— Официально, — кивнул Кирилл.

Он посмотрел на список, на двенадцать имён, выстроенных в столбик, будто ждущих очереди, и на секунду ему показалось, что список этот честнее, чем всё, что Ковалевский говорил до сих пор в этом здании. Список не умел изображать скорбь по расписанию.

— Начнём с Даниила Юрьевича, — сказал он, вставая. — Раз он уже здесь.

Ольга уже собирала бумаги, и в этом деловом шорохе слышалось облегчение человека, для которого разговор наконец сдвинулся из области намёков в область протокола, где всё понятно и всё можно занести в дело.

* * *

Зал опустел. Ольга ушла звонить в отдел, Ковалевский исчез в кабинете под каким-то предлогом про адвоката, и на минуту в третьем зале не осталось никого, кроме Кирилла и пустой рамы на стене.

Он остановился перед ней, не собираясь этого делать. Оклад из потемневшего дерева, резьба по краю — виноградные лозы, где-то стёртые до гладкости годами чужих взглядов. Внутри — ничего. Прямоугольник светлых обоев, чуть светлее остальной стены, форма отсутствия. Странно, подумал Кирилл, рама без картины смотрит внимательнее, чем картина в раме. Как будто вырезали не полотно, а лицо, и осталась только оправа, которая помнит черты.

Телефон завибрировал во внутреннем кармане. Дежурный, лаконичный, как всегда:

— Кирилл Андреевич. Дело зарегистрировано. Кража, статья сто пятьдесят восемь, часть четвёртая, плюс сто пятая, признаки умышленного, ждём заключение судмедэксперта по способу.

— Принял, — сказал Кирилл. — Спасибо.

Он убрал телефон. Значит, официально. Бумага пошла своим путём, номер дела появился в системе, и теперь то, что до этой минуты было разговором в частной галерее с нервным владельцем, стало делом с заглавной буквы, требующим протоколов, подписей, графика допросов. Кирилл не почувствовал особого облегчения от этого — бумага упорядочивала работу, но не упорядочивала факты, а факты пока напоминали кучу пазла, вытряхнутого из коробки без картинки на крышке.

Список крутился в голове сам собой, без усилия, потому что Кирилл давно приучил себя держать такие списки в порядке, а не в кашу. Десять имён с доступом к коду сигнализации. Реставратор, ходящий сюда по ночам один. Охрана — четверо, посменно, у каждого своя версия того, где он был вчера вечером. Персонал фонда — уборщицы, курьер, который привозил каталоги для будущей выставки и мог запомнить код, если код кто-то произнёс вслух при нём, что бывает чаще, чем хотелось бы думать людям, отвечающим за безопасность. Ковалевский с его репетированной скорбью и нерепетированным раздражением, когда речь заходила о прессе. И реставратор — Даниил Юрьевич, который был уже здесь, в здании, ждал своей очереди с видом человека, привыкшего ждать чужих решений.

С него и начнём, решил Кирилл. Не потому, что реставратор выглядел виновнее прочих — виноватость на лице читать бесполезно, лица умеют лгать не хуже языков, — а потому, что у него был легитимный доступ, известный код, ночные визиты без свидетелей и профессиональный интерес к тому, что висит на этих стенах. Легитимный доступ — самый удобный вход для того, кому нужно, чтобы никто не удивился твоему присутствию.

Глава 3. Голоса без хора

Мастерская реставратора представляла собой отдельно стоящий флигель, расположенный на территории фонда. Внутри пахло льняным маслом и чем-то ещё, кислым и резким, что Кирилл не мог сразу назвать — то ли ацетон, то ли скипидар, разбавленный в такой пропорции, что оба запаха слились в один, неопределённый, но узнаваемый по всему залу с пейзажами.

Даниил Юрьевич встал навстречу от стола, на котором лежали разложенные кисти, тюбики, тряпки, и всё это было расставлено с той аккуратностью, какая бывает либо у людей, помешанных на порядке, либо у тех, кто заранее знал, что к нему придут смотреть. Ему было за пятьдесят, но двигался он легко, почти демонстративно легко, как человек, который следит за собой не из тщеславия, а из профессиональной необходимости — руки реставратора должны быть твёрдыми.

— Кирилл Андреевич, — сказал он, слегка наклонив голову, и Кирилл на долю секунды удивился отчеству, прежде чем вспомнил, что называл его так сам, в самом начале, когда представлялся. — Ольга Дмитриевна. Присаживайтесь, я поставлю чайник.

— Мы не за чаем, — сказала Ольга, но реставратор уже щёлкнул выключателем на маленьком чайнике у окна, будто не услышал, и это было сделано так гладко, что возразить дальше значило бы устраивать сцену из-за мелочи.

— Понимаю, — кивнул он, — но у меня правило: если человек пришёл в мастерскую, ему полагается чай. Даже если человек пришёл с наручниками.

Он улыбнулся, и улыбка была ровная, без нажима, того сорта, что не выдаёт ни удивления, ни тревоги, только лёгкую, почти профессорскую иронию.

— Наручников пока нет, — сказал Кирилл, садясь на предложенный стул. — Есть вопросы про ваши ночные визиты в фонд.

— Ах, это. — Даниил Юрьевич не удивился, не насторожился, просто кивнул, будто ждал именно этот вопрос и заранее приготовил ответ, отутюженный, как рубашка. — Я реставрирую два пейзажа в большом зале. Лак старый, потемневший, местами кракелюр пошёл — трещины, если по-простому. Такую работу лучше делать ночью, когда музей закрыт и никто не топчется рядом, не поднимает пыль, не хлопает дверьми. Днём в зале сквозняки, посетители, охрана бегают с рациями. Ночью тихо, свет можно поставить правильный.

Он говорил спокойно, размеренно, и версия ложилась ровно, слишком ровно, на тот запах свежего лака, что Кирилл почувствовал накануне у пустой рамы «Выдумки» и ещё раз — у речного пейзажа в соседнем зале. Всё совпадало настолько аккуратно, что совпадение начинало казаться подозрительным само по себе, хотя ничего, кроме совпадения, в этом пока не было.

— Оба пейзажа? — спросил Кирилл. — Тот, что рядом с «Семейным портретом», и тот, у речки?

— Именно, — подтвердил реставратор без паузы. — Плановая работа, начата ещё в прошлом месяце, если вам нужны даты — у меня журнал ведётся, я его вам покажу, там всё расписано по часам.

Чайник закипел, реставратор разлил чай в две чашки — Ольге он тоже предложил, она отказалась коротким движением головы, — и сел напротив, аккуратно сложив руки на колене.

— Код администратора у вас есть, — сказал Кирилл, не спрашивая, а утверждая, чтобы посмотреть, как собеседник отнесётся к утверждению вместо вопроса.

— Есть, — не стал отрицать Даниил Юрьевич. — Мне без него никак, я вечерами вхожу, когда пост охраны уже снят на минимум. Виктор Аркадьевич вам, наверное, уже это сказал.

— Сказал.

— Ну вот. — Реставратор развёл руками, как человек, которому нечего скрывать сверх того, что уже известно всем и каждому. — Но сегодня ночью меня в здании не было. Я вчера уехал в семь, у меня сестра в Одинцово, день рождения у племянника, было застолье, я даже фотографии могу показать, если это поможет. Домой вернулся под утро на такси, водитель подтвердит, у меня в приложении заказ сохранился. Потом позвонил Виктор Аркадьевич и я сразу примчался сюда.

Он произнёс это без единой заминки, будто рассказывал заранее выученный текст, и в этой гладкости было что-то, за что взгляд Кирилла зацепился, не давая опоре ясного имени: не в словах — в самой скорости, с какой алиби выкатилось на стол, отглаженное с обеих сторон, готовое к употреблению прежде, чем его успели спросить впрямую.

Ольга, отставив нетронутую чашку, которую всё же взяла из вежливости, скользнула взглядом по рукам реставратора, лежавшим на колене — пальцы длинные, ухоженные, ногти аккуратно подстрижены, ни следа краски, ни пятна растворителя, ничего из того, что обычно остаётся на коже человека, который только что месил в мастерской тюбики и тряпки. Она ничего не сказала, просто отвела взгляд и стала снова смотреть на разложенные на столе кисти, будто эта деталь её вовсе не заинтересовала.

— Хорошо, — сказал Кирилл, поднимаясь и оставляя чай почти нетронутым, отхлебнув лишь для вида. — Спасибо за чай, Даниил Юрьевич. Журнал реставрации нам понадобится, пришлите копию сегодня.

— Конечно, — реставратор тоже встал, и снова та же лёгкая улыбка, ровная, как поверхность свежего лака. — Всегда готов помочь следствию. Дело нехорошее, три картины пропали, человека убили. Хочется, чтобы разобрались побыстрее.

Кирилл кивнул, попрощался коротким жестом и вышел в коридор вслед за Ольгой, оставив за спиной запах масла и того резкого, кислого, что так и не назвал себе точным словом. Спокойствие реставратора было безупречным по всем статьям — интонация, алиби, готовность к сотрудничеству, — и именно эта безупречность мешала выкинуть человека из головы, потому что естественная реакция всегда где-то спотыкается, а эта не спотыкалась совсем.

* * *

Охранник Свиридов сидел на краешке стула в комнате для инструктажа, спиной к шкафчику с ключами, и держал форменную фуражку на колене двумя руками, будто она могла убежать. Кирилл сел напротив, Ольга — сбоку, у окна, откуда падал ровный утренний свет, невыгодный для того, кто хочет что-то скрыть на лице.

— Значит, обход зала третьего вы делали в двадцать три, — сказал Кирилл, глядя в блокнот, хотя ничего там ещё не записал.

— В двадцать три, да. Или в полночь. — Свиридов моргнул. — Я обычно в полночь хожу, но в ту смену, кажется, раньше вышел, потому что... ну, по расписанию сдвинулось.

— Раньше или позже?

— Раньше. Точно раньше. — Он помолчал, потёр большим пальцем козырёк фуражки. — Хотя нет, извините, я мог перепутать с прошлой сменой. У меня их две подряд было, я в голове путаю иногда, какая когда.

Кирилл поднял взгляд. Человек напротив не производил впечатления лгуна: скорее уставшего, немного затравленного, из тех, кто путается в датах не потому, что скрывает, а потому что жизнь давно спуталась сама по себе. Но путаница была ровно там, где она была нужнее всего — в промежутке между обходом и кражей, — и это делало её неудобной вне зависимости от происхождения.

— Хорошо, — сказал Кирилл спокойно. — Тогда с другого конца. Журнал охраны, который вёл Прохоров в ту ночь, показывает, что вы отметились на посту в двадцать три ноль ноль и снова — в час сорок. Между этим — почти два с половиной часа без отметки. Обход занимает пятнадцать минут.

Ольга слегка подалась вперёд, положила локти на стол — жест не грозный, скорее нетерпеливый, как у человека, которому надоело ждать, пока собеседник сам додумается сказать правду.

— Смена по журналу заканчивается в полночь, — сказала она. — А отметка у вас — в час сорок. Где вы были эти два часа, Игорь Николаевич?

Свиридов уставился на фуражку так, словно ответ был вышит на подкладке.

— Я... отлучался. По личному.

— По личному, — повторила Ольга без выражения. — В охраняемом здании с картинами на несколько сот миллионов. По личному.

— Да мне позвонили, — вырвалось у него, и голос дрогнул на середине слова, будто говоривший сам удивился, что это произносит вслух. — Не могу я эти звонки не брать, понимаете? Я вышел в служебный двор, там сигнал хоть какой-то ловит, а внутри вообще глухо.

— Кто звонил? — спросил Кирилл ровно, не меняя интонации, как будто спрашивал про погоду.

Свиридов замолчал. Пауза была такой длинной, что за окном успела проехать машина, шелестя шинами по мокрому асфальту, и звук этот прозвучал в тишине комнаты почти неприлично громко.

— Коллекторы, — сказал он наконец, тихо, будто признавался в чём-то более постыдном, чем нарушение служебной инструкции. — У меня кредит был, потом ещё один перекрыл первый, потом... в общем, звонят каждый день, иногда по три раза. Я телефон беззвучным не ставлю, потому что жена болеет, вдруг из больницы. А эти достают в любое время.

— И в ту ночь достали, — сказал Кирилл.

— В ту ночь особенно. Мужик орал, что приедет ко мне на работу, если не заплачу до конца недели. Я вышел, чтобы он унялся, минут на десять хотел, а он трубку не бросал, я ходил кругами по двору и объяснял, что заплачу, заплачу, только отвяжись. Потом сигарету выкурил, чтобы успокоиться. Вот и набежало.

Кирилл слушал, отмечая для себя, как гладко теперь пошла речь — не гладкость реставратора, отутюженная заранее, а другая: облегчение человека, которому надоело врать и который наконец вывалил кусок правды, пусть и постыдной. Такое обычно не отретпериуешь. Долги, звонки, сигарета в темноте — слишком мелко и слишком некрасиво, чтобы быть выдумкой, приготовленной на случай допроса.

И всё же арифметика выходила скверная. Человек с долгами, знающий расписание обходов, отсутствующий на посту как раз в те два с половиной часа, когда сработал код администратора и кто-то вынес из зала три полотна, — это ровно тот силуэт, который так удобно вписать в рамку и повесить на стену вместо картины. Слишком удобно, подумал Кирилл, и от этой мысли ему стало не легче, а тревожнее: удобные версии редко бывают верными, но отбрасывать их с порога — тоже роскошь, которую следствие не может себе позволить.

— Кто-нибудь может подтвердить звонок? — спросил он. — Детализация оператора, запись разговора, что угодно.

— Может, — Свиридов закивал слишком быстро. — У меня номер этот сохранён, коллекторский, я его блокировал раз десять, они с других звонят. Могу показать.

— Покажете, — сказал Кирилл. — И ещё вопрос, Игорь Николаевич. Вам когда-нибудь предлагали за деньги... подсказать код, открыть дверь, посмотреть в другую сторону? Кто угодно.

Лицо Свиридова стало заметно блее, чем было минуту назад, будто из-под кожи вытекло что-то тёплое.

— Нет, — сказал он быстро, слишком быстро. — Никогда. Товарищ следователь, вы что. Я долги свои сам разгребаю, я не... — он не договорил, сглотнул. — Только прошу вас.

Начальству не говорите про кредиты эти. Уволят же сразу, у нас с этим строго, охрана с долгами — сразу под подозрение, а мне работа нужна, у меня жена...

— Это не ко мне, — сказал Кирилл, закрывая блокнот. — Я не отдел кадров. Но детализацию звонков предоставьте сегодня же.

Свиридов закивал, часто, почти судорожно, и вышел из комнаты, всё ещё сжимая фуражку двумя руками. Ольга проводила его взглядом до двери и повернулась к Кириллу, приподняв бровь.

— Ну что, — сказала она, — вот тебе и подозреваемый. Долги, отлучка в нужное время, врал про смену.

— Врал про смену не он один сегодня, — заметил Кирилл, вставая. — Реставратор рассказал алиби так гладко, что оно проскочило само собой. А этот путался, бледнел, просил не говорить начальству. Разница есть.

— Разница есть, — согласилась Ольга, — только он всё равно единственный, у кого есть мотив на поверхности. А тот, кто гладко врёт — ещё не значит, что врёт про главное.

Кирилл ничего не ответил, только подумал, что удобная версия хороша тем, что закрывает дело быстро, и плоха тем же самым.

* * *

Двор фонда встретил их холодом. Ольга закурила, привалившись к колонне у входа, и выдохнула дым в сторону клумбы, которую садовник фонда явно поливал регулярнее, чем следствие поливали фактами.

-Ну что, пробили мы наших троих красавцев, -обронила Ольга, - засветились на камерах в соседнем квартале. Некрасов Илья Витальевич, 34 года, наш убиенный, потом Морозов Денис Аркадьевич, 39 лет, оба имеют судимости за кражу, по разным делам. И Лисицын Артем, 23 года, не судим. Ищем по месту прописки.

- Ага, лишь бы не опоздать с поиском.

—Это Свиридов, — сказала Ольга с той уверенностью, с какой обычно объявляют счёт в футболе. — Долги, коллекторы, отсутствие на посту ровно в те два с половиной часа. Он слил расписание кому-то за деньги, они зашли по коду, взяли картины, а он потом сидел и молился, чтобы никто не спросил, где он был. Дело почти закрыто, Кирилл. Осталось найти, кому он звонил, кроме коллекторов.

— Почти закрыто, — повторил Кирилл, глядя не на неё, а на окна второго этажа, где заканчивалась экспозиция и начинались хозяйственные помещения. — Мне нравится это «почти». Оно обычно означает, что закрывать ещё рано.

— Ты вечно так. У человека мотив, у человека возможность, у человека реакция человека, который врёт. Чего ещё тебе надо, справку от нотариуса?

— Мне надо, чтобы совпадение долгов с отсутствием на посту не оказалось единственным, что у нас есть, — сказал он. — Смотри сама. Свиридов — удобный подозреваемый. Слишком удобный. У него мотив на поверхности, вина написана на лице, и он единственный, кто в разговоре с нами практически извинялся за факт своего существования. Это подкупает следствие расслабиться. А расслабленное следствие обычно закрывает не то дело.

— Ладно, — сказала она наконец. — Допустим. А кто тогда, по-твоему? Реставратор, который рассказывает алиби так, будто читает по бумажке?

— Отчасти да, — сказал Кирилл. — Даниил Юрьевич рассказал свою версию вечера настолько гладко, что в ней не осталось ни одной шероховатости. А в жизни шероховатости бывают всегда, даже у людей, которым нечего скрывать. Особенно у людей, которым нечего скрывать: они путаются, вспоминают не в том порядке, поправляют себя. У него всё было разложено, как в описи.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросила она. — Официально трясти Свиридова за детализацию звонков, а параллельно смотреть косо на реставратора, потому что он слишком спокоен, и на охранника, потому что он врёт про десять минут?

— Это ровно то, что у нас есть, — сказал он. — Список нестыковок без единого голоса, которому можно доверять полностью. Каждый сегодня сказал что-то, что не бьётся либо с записью, либо с логикой, либо с собственным же поведением. Свиридов трусит и путается, но признаётся в кредитах. Реставратор не ошибается вообще, и это меня смущает больше всего остального.

— То есть версия про Свиридова...

— Не отменяется, — сказал Кирилл. — Просто пока не единственная. Обвинять человека в сговоре с грабителями на основании того, что у него долги и плохое алиби — это способ закрыть дело быстро и неправильно. Мне не нужно быстро. Мне нужно правильно.

Глава 4. Тень предка

Утро натекло в двор серым и неохотным, будто ему тоже не хотелось выходить на смену. Кирилл стоял у машины с той же чашкой пустоты в желудке, что и полтора часа назад, и смотрел на окно четвёртого этажа, третье от угла. Занавеска висела так же неподвижно, как вчера, только теперь за ней была не тьма, а серый утренний свет, ничем не подсвеченный изнутри. Он простоял так секунд двадцать, дольше, чем требовалось для проверки, и ничего не произошло: ни движения, ни силуэта, ни того характерного мельтешения, которое выдаёт человека, старающегося быть незаметным. Окно молчало, как молчит невиновный на допросе — то есть точно так же, как молчал бы виновный, знающий, что молчание безопаснее слов.

Он не стал делать выводов. Отсутствие улики — не улика отсутствия, эту фразу он повторял себе так часто, что она давно потеряла интонацию открытия и превратилась в рабочий инструмент, вроде отвёртки в кармане.

В квартире пахло вчерашним чаем и, кажется, страхом — не в переносном смысле, а вполне физически, тем особым кисловатым душком, который источает человек, не спавший ночь и слушающий каждый скрип в подъезде. Артём сидел на том же стуле, где Кирилл оставил его вечером, будто не вставал вовсе, только куртка теперь лежала на коленях, а не в рюкзаке у окна.

— Когда охрана приедет? Настоящая. С бумагами, с формой.

— Утром обещали. Формально.

— А сейчас у нас что, неформально?

— Сейчас у нас участковый в подъезде и я в машине двадцать минут назад, — сказал Кирилл. — Это не идеально, согласен. Но это лучше, чем ничего, а до бумаг с печатью нам ещё дожить нужно бюрократически, а не физически.

Артём посмотрел на него долгим взглядом, в котором было больше усталости, чем недоверия, и опустил глаза на свои руки, обкусанные до мяса ещё вчера.

— Вы говорите как человек, который не первый раз кому-то это обещает.

— Не первый, — согласился Кирилл. — Но и не тот человек, который бросает обещания на середине. У меня на это своя гордость есть, отдельная от служебной.

Отдел встретил Кирилла привычным жужжанием коллег. Ольга сидела за столом и писала очередной отчет.

— Код администратора, — сказала она вместо приветствия, без предисловий, как обычно делала, когда новости были плохими, но не катастрофическими. — Запрос застрял. ИТ-служба фонда говорит, что журнал доступа хранится у них, а не у оператора сигнализации, и без официального постановления они его не отдадут. Постановление я пишу, но судья появится не раньше двух.

— А опись?

— Страховая тоже тянет. Обещали полный пакет к вечеру, прислали пока три страницы из двенадцати, и, конечно, там нет ничего интересного. Некий эксперт Кайданов Ю.А., умер уже.

— Удобно всем, — сказал Кирилл.

— Мне вот что не нравится, — продолжила Ольга, и в голосу неё впервые за утро прорезалось что-то помимо иронии, настоящая тревога, не наигранная. — Всё, что нам нужно, застревает именно там, где застревает. Код — в бюрократии. Опись — в занятости эксперта. Алиби реставратора — гладкое, как стекло. Это либо совпадение, либо кто-то умеет расставлять препятствия именно там, где мы будем искать.

— Официальные каналы буксуют, — сказал Кирилл вслух, скорее себе, чем свидетелю. — Значит, придётся смотреть туда, где бумаги не выдают по постановлению.

— Куда это?

— В архив фонда. Расписки, старые каталоги, история картин до того, как они стали строчками в страховом акте. Иногда самая честная бумага — та, которую никто не потрудился спрятать, потому что не считал важной.

.
* * *

Архив фонда занимал полуподвал под западным крылом, и Кирилл приехал туда ближе к окончанию рабочего дня. Он спускался туда по лестнице, где ступени за два века истёрлись ровно посередине, будто кто-то нарочно вытоптал дорожку от одной эпохи к другой. Архивариус, пожилая женщина по имени Инга Марковна, встретила его без удивления, только спросила номер постановления, выслушала объяснение про "устный запрос в рамках оперативных мероприятий" и вздохнула так, что стало ясно: с полицией она уже работала и знает, чем это обычно заканчивается.

— По трём картинам, значит, — сказала она, снимая с полки три папки разной толщины, перевязанные тесьмой разных цветов. — «Семейный портрет» у нас самый пухлый. Любят её беспокоить.

Папка легла на стол с глухим стуком, и Кирилл развязал тесьму осторожно, как будто внутри могло что-то осыпаться.

Первым делом он достал каталог фонда за 1978 год, машинописный, с бледными фотографиями и штампом библиотеки. Атрибуция картины значилась там сухо: «неизвестный художник, круг мастера, первая четверть XIX века». Он сверил дату с описью, которую прислала страховая накануне: та же картина, но уже «мастер», без всякого круга, и цена в графе стояла вдвое выше прежней оценки. Кирилл достал ещё один каталог, промежуточный, из девяностых — там формулировка была осторожнее, «предположительно мастер», словно кто-то проверял воду перед прыжком. Атрибуция менялась не один раз. Она менялась ступенчато, каждый раз в одну и ту же сторону, и каждый раз это стоило денег.

— Удобная у вас картина, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. — С возрастом дорожает, как коньяк.

Инга Марковна, раскладывая соседние папки, подняла на него глаза, но комментировать не стала.

Он продолжил перебирать бумаги и наткнулся на пожелтевшую фотографию, наклеенную на картонную подложку, с обломанным уголком. Снимок был чёрно-белый, зернистый, явно начала века — картина в раме, ещё без стеклянного киота, висящая на стене, которую он узнал по лепнине над камином: тот же зал, что и сейчас, только мебель другая. На обороте выцветшими чернилами значилась подпись: «Библиотекарь фонда Останиных, к столетию основания, 1826—1926». Кирилл подержал фотографию дольше, чем требовалось для

протокола, и почувствовал что-то вроде холодка между лопаток, который списал на сквозняк из вентиляции.

— Останиных, — повторил он тихо.

— Основатели, — отозвалась Инга Марковна, не поднимая головы. — Князь Кирилл Андреевич. У нас его портрет в малом зале висит, вы, наверное, проходили мимо.

— Проходил, — сказал он и не стал развивать тему, хотя фамилия царапнула его так же, как в первый день, только теперь царапина была глубже.

Он отложил фотографию в сторону и взялся за журнал реставраций, толстую тетрадь в дерматиновой обложке, разбитую по десятилетиям. Пролистывая записи семидесятых и восьмидесятых годов, он поймал ритм: аккуратные строчки, даты, фамилии мастеров, краткое описание работ — расчистка лака, укрепление грунта, тонировка утрат. Но где-то в районе двухтысячных ритм сбивался. Несколько страниц подряд были явно вырваны, не выпали от старости, а именно вырезаны, аккуратно, лезвием, у самого корешка, так что остались только узкие, ровные обрубки бумаги, похожие на бахрому.

Кирилл провёл пальцем по этим обрубкам, ощущая ровный срез. Небрежность бывает разной, и эта не была небрежностью. Кто-то не хотел, чтобы записи о конкретном периоде реставрации остались в тетради, и позаботился об этом заранее, задолго до того, как в дело вошла полиция. Он сфотографировал обрубки на телефон, отметил про себя даты до и после разрыва — недостающий кусок приходился примерно на тот период, когда, если верить его рабочей версии, оригиналы начали потихоньку исчезать со стен.

— Инга Марковна, — сказал он, — а кто имеет доступ к этому журналу, кроме вас?

— Реставратор, разумеется. Даниил Юрьевич. И раньше, до него, был другой мастер, но он умер лет пятнадцать назад. — Она пожала плечами. — Журнал всегда лежал открыто, в шкафу без замка. Мы тут не то что музей с сигнализацией, у нас на честном слове держится.

— Честное слово, значит, — сказал Кирилл и подумал, что в этом фонде честное слово стоит примерно столько же, сколько атрибуция «Семейного портрета» в девяностых.

Он вернул журнал на место и снова полез в папку, теперь уже до самого дна, где бумаги были старше и хрупче, пожелтевшие настолько, что казались частью самой коробки. Там, под слоем более поздних документов, лежала отдельная связка, перетянутая бечёвкой, с надписью на титульном листе, выведенной каллиграфическим, почти чертёжным почерком: «Расписки о реставрации, 1820—1830-е годы».

Кирилл вытащил связку и на секунду замер, разглядывая надпись. Почерк был слишком ровным для человека, писавшего гусиным пером при свечах, слишком уверенным, без единого нажима не в ту сторону, будто выведен по линейке. Он повидал достаточно старых документов на прошлых делах, чтобы знать: рука эпохи всегда чуть дрожит, чуть спешит, а тут была каллиграфия, отработанная годами, спокойная, как у человека, которому некуда торопиться.

Что-то в этой ровности показалось ему знакомым, но он не успел зацепиться за мысль — она проскользнула мимо, как рыба в мутной воде, и он отложил папку на край стола, решив вернуться к ней после того, как разберётся с остальными бумагами.

— Возьмёте с собой? — спросила Инга Марковна, кивая на связку.

— Пока полистаю здесь, — сказал он, развязывая бечёвку медленными, методичными движениями, и потянул за первый лист, пожелтевший настолько, что казалось, будто он вот-вот рассыплется у него в руках.

* * *

Бумага пахла воском и чем-то ещё, чему у него не было названия — сухим, тёплым, немного похожим на запах старого шкафа у бабушки в деревне, только гуще, старше. Кирилл держал лист двумя пальцами за края, как учили на курсах по работе с вещдоками, и шурился на выцветшие чернила, пытаясь разобрать первую строку. «Дана сия расписка мастеру...» — дальше буквы съезжали друг на друга, слипались от времени.

Он поднёс лист ближе к настольной лампе.

И комната сдвинулась.

Не резко, не как в кино — скорее как палуба под ногами, когда до этого не замечал качки, а потом вдруг замечаешь. Свет лампы стал желтее, теплее, задрожал, будто это уже не лампа вовсе, а свеча. Запах воска стусился так, что забил горло. Кирилл хотел сказать что-то вроде «так, спокойно», привычную фразу, которой одёргивал себя на месте преступления, но не успел — не было уже ни стола, ни архива, ни его собственного голоса.

Зал был другим и тем же самым. Те же пропорции, тот же изгиб потолочного карниза, который он час назад разглядывал наяву, — но стены свежие, побелка ещё пахла известью, а не веками пыли. Свечи в шандалах горели неровно, отбрасывая тени, которые двигались сами по себе, будто в зале, кроме людей, жили ещё и они. Пол был застелен рогожей, у стены стояли козлы с досками — зал ещё достраивали, или, может, только что достроили.

Перед пустой ещё минуту назад стеной двое рабочих в холщовых рубахах вешали картину. Полотно было большое, в тяжёлой золочёной раме, и на нём — Кирилл не видел деталей, только общее движение красок, светлое пятно посередине, — угадывалась та самая картина, которую он видел на репродукции в страховом акте.

Перед картиной стоял человек в тёмном сюртуке, заложив руки за спину, и смотрел на полотно с той спокойной цепкостью, с какой смотрят не на красоту, а на инвентарь. Он был высок, чуть сутулился, как человек, привыкший наклоняться над столом или холстом, и хотя лица Кирилл толком не различал — оно расплывалось, как будто память отказывалась достраивать черты, — он откуда-то знал совершенно точно: это Останин. Князь Кирилл Андреевич.

Рядом с ним стоял ещё один, ниже ростом, в тёмной блузе, с испачканными пальцами — то ли реставратор, то ли мастеровой, помогавший вешать раму. Останин повернул голову к нему и произнёс что-то — голос донёсся до Кирилла глухо, будто через толщу воды, слова слипались, распадалась на слоги ещё до того, как он успевал их узнать.

— ...чтобы копия... от подлинника... не отличить...

Дальше — тишина, вязкая, как студень. Мастер в блузе кивнул, коротко, будто это было для него привычным делом, не первым и не последним разговором такого рода. Останин снова повернулся к картине, и в этом повороте было что-то до странного знакомое Кириллу — не поза даже, а то, как человек держит спину, когда думает, что его никто не оценивает.

Кирилл попытался разобрать конец фразы, напрячься, как напрягаются, вслушиваясь в плохую телефонную линию, — и в этот момент плёнка оборвалась.

Не потускнела, не растаяла — именно оборвалась, будто кто-то отрезал изображение ножницами прямо посередине кадра. Свеча, зал, человек в сюртуке — всё исчезло разом, и в глаза ударил белый свет настольной лампы, слишком яркий, слишком настоящий.

Кирилл обнаружил, что вцепился обеими руками в край стола, костяшки побелели. Лист расписки лежал на полу — видимо, выпал из пальцев, — и, слава богу, не порвался, только съехал углом под кресло. Он сидел, тяжело дыша, будто пробежал этаж пешком, и несколько секунд не мог понять, где именно кончается воображаемое и начинается кабинет с картонными коробками.

Он посмотрел на часы на телефоне почти автоматически, чтобы зацепиться за что-то твёрдое, — и не сразу поверил цифрам.

Прошло на десять минут больше, чем он помнил.

Он точно знал, сколько времени провозился с бечёвкой — минуты полторы, может две, — и был уверен, что после этого прошли считанные секунды, пока он держал лист у лампы. А стрелки говорили другое: он сидел так почти четверть часа.

— Так, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь, и голос прозвучал чужим, слишком тихим для пустой комнаты.

Наклонился, поднял лист с пола осторожно, будто тот мог рассыпаться от одного неверного движения, хотя минуту назад бумага держалась прекрасно. Руки, отметил он с той же дотошностью, с какой отмечал детали на месте преступления, слегка дрожали. Это была не та дрожь, что бывает от холода или от кофе на голодный желудок. Это была дрожь человека, который только что видел то, чего не мог видеть, и теперь пытался сделать вид, будто ничего не произошло.

За дверью архива слышался обычный вечерний шум фонда — где-то далеко хлопнула дверь, тихо переговаривались охранники в холле, всё было настоящим, тёплым, привычным. А он сидел с пожелтевшим листом бумаги в руках и думал о том, что рука, писавшая заголовок на связке расписок, была слишком уверенной для человека девятнадцатого века — и слишком похожей, вспомнил он теперь с холодком, на почерк, каким сам выводил заголовки протоколов, когда торопился и одновременно старался, чтобы вышло разборчиво.

* * *

Недосып, сказал он себе. Три ночи через одну, кофе вместо еды, глаза, которые последний час читали убористый почерк девятнадцатого века при свете настольной лампы. Мозг в таких условиях подсовывает картинки — это не мистика, это физиология, и любой невролог подтвердит: усталость плюс монотонная зрительная работа плюс низкий сахар в крови дают ровно такой эффект. Кирилл проговорил это себе, как проговаривают протокол, слово за словом, и от того, что мысль выстроилась в ровную логическую цепочку, стало немного легче.

Он положил лист обратно на стол, разгладил угол ладонью и заставил себя смотреть на него так, как смотрел бы на улику, а не на предмет, который десять минут назад утащил его куда-то за пределы собственного черепа. Расписка как расписка. Пожелтевшая бумага, чернила выцвели до бурого, канцелярский оборот в духе эпохи.

«Получено от конторы фонда за поновление холста согласно указанию — двадцать пять рублей серебром».

Он перечитал фразу трижды, ища зацепку. Какого холста — не уточнялось. Ни названия картины, ни размера, ни номера по описи, которую фонды обычно вели даже тогда. «Согласно указанию» — и всё, будто автор расписки нарочно избегал конкретики, а тот, кто платил, и без того знал, о чём речь. Кирилл машинально отметил, что это ровно тот стиль, каким пишут документы люди, которые хотят, чтобы бумага существовала, но ничего толком не доказывала. Двести лет — а метод тот же.

Внизу листа стояла подпись. Не размашистая купеческая закорючка, а аккуратный, почти каллиграфический росчерк — и в букве «К» петля заворачивала внутрь и обратно, лишний завиток, которого не требовала ни одна пропись того времени. Кирилл смотрел на неё дольше, чем следовало бы смотреть на обычный автограф, потому что где-то в затылке царапало ощущение узнавания, то самое, когда видишь лицо в толпе и не можешь вспомнить имя, хотя точно знаешь, что знаком.

— Видел я это где-то, — сказал он вслух, и звук собственного голоса в пустой комнате показался ему сейчас более уместным, чем десять минут назад.

Он вытащил телефон, включил вспышку и сфотографировал расписку крупным планом, так, чтобы подпись была видна отчётливо, до каждого волоска пера. Потом положил рядом журнал реставраций, подвинул лампу для ровного света и сфотографировал ещё раз — акт с инициалом «(Кайданов)» и той же петлёй.

Просмотрел оба снимка на экране, увеличил пальцами, сравнил ещё раз. Совпадение или фамильная традиция письмоводства, повторил он про себя, будто от повторения формулировка стала бы надёжнее. Или что-то, к чему он пока не был готов подобрать слово, и от этого — от нежелания подбирать слово прямо сейчас, в архиве, в половине одиннадцатого вечера, на третьи сутки без нормального сна, — он вдруг ощутил не страх, а раздражение на себя. Так не годится, сказал он себе. Улики не должны пугать следователя, они должны его

информировать. Испуг — роскошь, которую можно позволить дома, с чаем, а здесь у него на столе лежит документ, и документ этот нужно подшить, а не бояться.

Кирилл убрал телефон, аккуратно вложил старую расписку обратно в папку, между двумя листами тонкой бумаги, как будто она была стеклом, — хотя минуту назад казалась ему совершенно обычным, прочным на вид, старым документом, — и потянулся к следующей связке в коробке.

* * *

Архивариус — Марина Степановна, из тех сотрудниц музейного дела, что помнят по имени каждую опись с девяносто третьего года, — вернулась из соседнего зала с деревянным ящиком в руках раньше, чем Кирилл успел сформулировать вопрос как следует.

— Вы же про Останиных спрашивали, — сказала она, ставя ящик на стол рядом с коробкой реставрационных актов. — Вот, полный фонд. Родословная роспись, метрики, кто на ком женился, кто куда уехал. Я как услышала фамилию, сразу подумала: редко кто интересуется, а материал хороший, систематизированный. Хотите — прямо здесь посмотрите, мне всё равно ещё час зал закрывать.

Он поблагодарил её тем же ровным голосом, каким благодарил за чай в приёмной, за копию протокола, за любую другую вещь, не имеющую отношения к тому, что творилось у него внутри последние двадцать минут. Марина Степановна ушла, довольная, что нашла применение своей систематизации, а Кирилл остался один на один с ящиком, в котором лежала бумажная версия его собственной фамилии.

Роспись была составлена аккуратно, явно не в девятнадцатом веке, а позже, каким-то усердным потомком или архивистом двадцатого столетия, который свёл разрозненные метрики в одну генеалогическую таблицу с прямыми линиями и датами. Кирилл листал страницы, ведя пальцем сверху вниз, от князя Кирилла Андреевича Останина, основателя, — через два поколения детей и внуков, через браки, через смерти, отмеченные аккуратным крестиком, — и остановился там, где линия вдруг раздвоилась.

Одна ветвь шла прямо, с гербом, с титулом, растворяясь где-то в эмиграции после семнадцатого года — три строчки, обрыв, «сведений нет».

Вторая ветвь, боковая, младшая, отходила в сторону ещё раньше, в начале века, и рядом с одним из имён стояла приписка мелким, другим почерком: «фамилия изменена на Ост, разрешение от 1911 г., по прошению, ввиду...» — дальше слово было замазано временем или чернилами, не разобрать. Дата. Город: Тверь.

Кирилл замер над этой строчкой дольше, чем позволял себе замирать над чем бы то ни было последние дни.

Дед рассказывал редко и неохотно, будто эта тема была у них в семье вроде больного зуба, который лучше не трогать языком: что-то о Твери, что-то о прадеде, который «упростил себе жизнь», сменив фамилию ещё при царе, задолго до всех советских перекроек документов, когда упрощать вроде бы было ещё незачем. Кирилл никогда не спрашивал, зачем — в детстве это казалось неважным, вопросом семейной бухгалтерии, не более интересным, чем закладная на квартиру. Теперь дата стояла перед ним чёрным по коричневатой бумаге, и город стоял, и всё сходилось так плотно, что не сходиться уже не могло.

Он не однофамилец. Он потомок.

Мысль пришла не как озарение, не как тот удар в архивной тишине, что швырнул его в 1826 год у окна с видом на пустую раму. Она пришла медленно и от этого была страшнее: спокойное, методичное подведение итога, к которому вели все цифры, все имена, вся эта роспись, разложенная перед ним как ещё одна улика в деле, только на сей раз улика указывала не на подозреваемого, а на него самого.

Он закрыл роспись медленно, аккуратно опустил тяжёлую крышку папки, будто боялся, что бумага рассыплется от резкого движения, хотя минуту назад листал её вполне свободно.

Ольге он ничего говорить не собирался — не сейчас. Не потому, что скрывал, а потому что сам ещё не понимал, что именно у него в руках: факт для протокола или факт для себя. Пока это не сортировалось так же чисто, как обычно сортировались у него улики — на важное для дела и неважное. Здесь всё было важно и всё было личное одновременно, а такое сочетание Кирилл не любил и не умел с ним работать быстро.

Он положил ящик обратно на полку, ровно так, как он стоял до Марины Степановны, и сказал себе, что разберётся с этим позже — сначала дело, потом фамильная бухгалтерия. Формулировка была честная, но неубедительная даже для него самого: он прекрасно понимал, что дело и фамильная бухгалтерия перестали быть двумя разными коробками где-то между распиской о реставрации 1826 года и этим списком имён.

* * *

Дверь архива закрылась за спиной с тем же самым звуком, что и открывалась, — сухим щелчком старого замка, который меняли, кажется, реже, чем саму коллекцию. Кирилл прошёл коридор до лестницы почти механически, всё ещё держа в себе тяжесть той росписи, имена, столбцы, аккуратный почерк писца, скреплявший его собственную фамилию с фамилией, которая теперь смотрела на него со стен галереи в каждой латунной табличке.

— Кирилл Андреевич, если не ошибаюсь?

Ковалевский стоял у поворота коридора, будто ждал его там специально, хотя, конечно, ждал — просто иначе объяснить его появление именно в эту минуту было трудно. В руках у него была папка, которую он не открывал, только держал перед собой, как держат вещь, которая для разговора не нужна, а нужна для вида.

— Кирилл Андреевич — это по документам, — сказал Кирилл. — Обычно я откликаюсь на «товарищ капитан».

— Простите. — Ковалевский не улыбнулся, хотя явно намеревался. — Просто удивился, увидев вас в архиве. Обычно полиция интересуется актами и камерами, а не родословными росписями за прошлый век. У Марины Степановны, наверное, целый выходной пропал из-за вас.

Он произнёс это лёгким тоном, тем самым тоном, каким на приёмах спрашивают о погоде, но глаза его при этом не двигались с лица Кирилла ни на миллиметр, и это несоответствие Кирилл отметил так же спокойно, как отмечал бы несовпадение показаний двух свидетелей.

— Проверяю провенанс, — сказал он. — Стандартная процедура при кражах такого рода. Нужно понимать историю происхождения полотен, кто владел, кто передавал, — иначе страховая экспертиза потом спросит, откуда у картины взялась дырка в биографии за полвека. Не поверите, сколько подделок всплывает именно из-за таких дырок.

Это было правдой ровно настолько, насколько это вообще было объяснением, и Кирилл произнёс её с той же ровной интонацией, с какой обычно говорил всё, что не хотел, чтобы услышали дважды.

— Разумно, — кивнул Ковалевский, но пауза перед этим словом длилась чуть дольше, чем требовалось для простого согласия. — Хотя, признаться, я думал, что вас больше интересуют страховые акты. Атрибуции, суммы. Расхождения.

— И это тоже интересует, — сказал Кирилл. — У меня разносторонние интересы. Как у коллекционера, только без денег.

Ковалевский издал звук, который при желании можно было счесть смешком.

— Тогда позвольте напомнить вам одну деталь, товарищ капитан, поскольку вы человек методичный, — он произнёс слово «методичный» с лёгким нажимом, будто примеряя его на Кирилла и находя примерку не совсем удобной. — Архив у нас режимный. Каждый вход фиксируется в журнале — время, цель посещения, кто выдал допуск. Это требование страховой компании после первого же аудита, лет пять назад завели. Так что ваше сегодняшнее посеще-

ние уже там, рядом с обращениями по краже, по описи, по всем чувствительным для фонда документам за последний месяц.

Он произнёс это без всякой угрозы в голосе, ровно, как справочную информацию, и именно эта ровность делала фразу тяжелее любой угрозы.

— Полезно знать, — сказал Кирилл. — Хоть кто-то в этом здании ведёт учёт добросовестно.

— Мы стараемся, — ответил Ковалевский. — Особенно теперь, когда каждая бумага может стать частью дела.

Он говорил это, глядя прямо на Кирилла, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни обвинения — только фиксация, спокойная опись факта, будто он мысленно ставил галочку рядом с ещё одной строкой в собственном внутреннем журнале.

Кирилл понял это раньше, чем успел додумать до конца: его имя теперь лежало в архиве фонда рядом с той самой запиской о реставрации четвертьвековой давности, рядом со списком фамилий, из которого он сам вышел полчасом раньше как из чужого пальто, оказавшегося впору. Если кому-то придёт в голову спросить, зачем полицейский, ведущий дело о краже и убийствах, роется в родословных росписях фонда, а не в страховых актах, — ответ «провенанс» проживёт недолго. А следующий вопрос будет куда неприятнее: с каких пор капитан Ост интересуется родом Останиных не по долгу службы, а по какой-то другой причине.

Он ничего этого не сказал вслух. Просто кивнул, коротко, буднично, как кивают человеку, с которым только что обсудили расписание уборки, и пошёл дальше по коридору к выходу, чувствуя спиной, что Ковалевский не отвёл взгляда, пока он не свернул за угол.

Уже у самой двери, толкая её плечом навстречу вечернему холоду, Кирилл поймал себя на мысли, что впервые за это дело почувствовал себя не наблюдателем, разбирающим чужие ниточки, а фигурой на чужой доске, которую кто-то только что удобно передвинул на клетку, откуда открывался слишком хороший обзор для того, кому вздумается однажды спросить: а что, собственно, капитан Ост делал в архиве фонда, носящего фамилию его собственной семьи?

Он не обернулся. Но по спине, там, где воротник касался шеи, прошёл холодок, не имевший никакого отношения к сквозняку из приоткрытой двери.

Глава 5. Второе тело

Телефон зазвонил в пять сорок, и Кирилл проснулся раньше первого гудка, будто тело успело почувствовать, что звонок близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.